

– Ладно, давай... Вот как выскочит сейчас хозяйский барбос, да как схватит тебя за жопу! – приговаривал Кобриков, взгромождаясь на плечи Овощуку.

– Так сам же и покатишься как та коляска с Потёмкинской лестницы.

Однако всё было спокойно, и лишь звук смачно надкусываемых яблок врывается в идилическую тишину предвечернего сада. Внезапно звук прекратился. Овощук почувствовал, что его приятель наверху застыл в странном оцепенении.

– Ты чего? Тебя там часом понос не пробрал? Тогда давай слезай по-быстрому, а то, в моём положении...

– Ты знаешь... – послышался сверху сдавленный и пугающе серьёзный голос Кобрикова, – тут на каждом яблоке номер стоит. Химическим карандашом.

– Ты меня не смей, а то конструкция не выдержит!

– Я серьёзно.

– Ну и выкусывай номера к ядреней фене!

Кобриков не шевелился.

– Знаешь, Овощ, мне что-то есть расхотелось. – Произнёс он с такой интонацией, которая вполне подошла бы для завершения какой-нибудь из лучших трагедий Шекспира.

– Мысленно я тебя понимаю, – выдержав классическую театральную паузу, ответил Овощук.

Однако Шекспира рядом не было, и изречь великую фразу «Дальнейшее – в молчании» было некому.

Смерть Ивана Лукича

Посвящается русской классической литературе

«Отчего бы мне нынче не умереть?» – подумал Иван Лукич и задумался. «В самом деле, ведь должен же всякий человек когда-нибудь умереть. Да и кому нужна такая никчемная, тоскливая, бесполезная, такая русская, русская жизнь! Непременно сегодня умру!» – решил Иван Лукич и улегся на диван. – «Да! да, да, да! И ничего то я, сукин сын, путного в этой жизни не сделал. Зря только хлеб божий ем!» Тут ему в который раз вспомнилось, как в далеком детстве он утащил из буфета зеленую леденцовую палочку, обладание которой должно было наполнить его жизнь высоким и таинственным предназначением. Съесть палочку он так и не осмелился, и зарыл ее в саду, отметив заветное место особым знаком – спалив близлежащий муравейник. С тех пор жестокие угрызания совести не покидали истерзанной души Ивана Лукича. Всякий раз, особенно после возвращения из суда, где он был присяжным заседателем, роковая зеленая палочка являлась ему в кошмарных снах. И тогда Иван Лукич в ужасе просыпался в холодном поту от собственного крика: «Матушка, матушка, это я украл леденцовую палочку!»

На глаза Ивана Лукича навернулись слезы. В такие минуты он чувствовал себя особенно ничтожным и порочным человеком и невыносимо стыдился своего существования. С трудом овладев собой, он широко открыл глаза и, чтобы отогнать слезы, сосредоточился на прозрачных червячках, плывущих и тающих перед его взором. «Боже! Какой чудный потолок! Какой белый и девственно чистый! И какой высокий! Отчего же я раньше не замечал этого чудного потолка!» Чувство волнительного восторга наполнило душу и принесло в нее покой и умиротворение. Стеклитые червячки плыли по потолку, как облака, и чувство торжественного покоя и величия грома-

хало в душе наподобие военного оркестра, исполняющего «Оду к радости». Казалось, вот-вот и откроется новый смысл существования, простой и высокий.

Иван Лукич глубоко вздохнул. «А вот, интересно, почему дурные люди так легко сходятся и объединяются, а люди хорошие никак не могут меж собою договориться? Разве это справедливо? Однако, вот я, например, сделал ли сообща с кем-нибудь хорошее дело? Нет, не сделал! Вот и выходит, что я не хорош. Выходит, что я есть подлец и негодяй. И что же мне теперь, подлецу, делать?» — мучительно думал Иван Лукич, закусив губу. И тут его осенило: «Если дурные люди легко меж собою ладят, то надобно пойти и непременно поругаться с каким-нибудь мерзавцем. Так, бог даст, и исправлюсь!»

Осознание того, что он способен хоть в малой степени досадить Мировому Злу, вызвало у Ивана Лукича чувство гордости и вдохновения. «Однако с кем же мне поругаться? Вот, скажем, судебный пристав Чигурыжкин. Вор и пьяница. Так и должно ему сказать! И цилиндром по морде!.. Нет, этот может, пожалуй, по службе навредить». Долго перебирая в уме фигуры знакомых подлецов, Иван Лукич так никого и не выбрал. В конце концов, он решил, что не худо бы дать пинка городовому. «В самом деле, стоит себе эдаким Мардуком и ощущает себя царем природы!.. Непременно дам пинка! Пусть в суд подаст, Левиафан эдакий. Пусть положения в обществе лишусь. Так мне, подлецу, и надо! Всё это пустое! Страдать так уж страдать! Главное — нравственное очищение!» Иван Лукич снова чуть не прослезился, но тут вспомнил, что решил сегодня умереть. Так что же мне, сперва пинка городовому дать, а затем уж умереть или наоборот? Экий вздор, однако...

— Иван Лукич, — послышался голос лакея.

— Ну, что там ещё?

— Мужики пришли из деревни. Говорят, по делу.

«Вот и умереть не дадут спокойно!» — подумал Иван Лукич.

— Ну, и гони их, чертей, в три шеи! — крикнул было он, но спохватился, — Нет, погоди, пусть войдут!

Нерешительно потоптавшись у порога, мужики вошли в комнату.

— Чего вам, мужички? — спросил Иван Лукич с такой кротостью в голосе, что даже сам удивился.

— Мы вот, ваша милость, всё вот, стало быть, насчет лужков... — начал самый старший из мужиков, глядя на Ивана Лукича снизу-вверх, теребя шапку и щурясь.

— Каких, братец, лужков?

— Дык ведь именье-то, знамо дело, большое, тут уж ваша милость, видать, и за-памятовали. А по закону-то, ну того, то есть вроде как по бумаге, выкос-то он весь как есть барский, а лужки-то за косогором все как-проникак нам отписаны.

— Ну, так и в чем же, братец, дело? — спросил Иван Лукич, морща лоб и мучительно вникая в слова меньшого брата.

— Дык ведь, дело-то оно такое, как и сказать-то и не удумаю...

— Говори, брат, говори, — подбодрил Ивам Лукич. «Вот где Правда, вот где нравственность» — думалось ему.

— Так вот, стало быть, как по бумаге-то, сиречь по закону, все вроде бы как положено-то и вышло. Ну, а как до лужков-то, вот тут-то управлявший-то Стаерос-то Поликарпыч ну и того...

— Чего, того?

– Ну, того, стало быть, етого... Нет, говорит вам, выходит значит, никаких лужков и отродясь не было». «Как так?», говорим. А он тут и тугумент, значит, с приставом составил, да так в нос-то и тычет. Смотри, говорит, сучий лапоть, нет вам тут никаких лужков, да и недоимок с вас еще к Троице на осьмнадцать рублѐв! А староста, нет чтоб чего и как разобрать, сопит в бороду, сыч, не того, не этого.

– Ну, так и что же вы, мужики, решили? – спросил Иван Лукич.

– Мы, стало быть, значит, так Стаероске-то и говорим: про тугумент, стало быть, никак не ведаем, дарам, что казенный знак на ём стоит. А как по совести-то стало быть, не праведный есть твой тугумент. Вот, мы, говорим, к барину пойдём. Барин-то он как есть человек душистый, и лужки-то все как есть и присудит. Тут он как закричит короной дурной: «Я тебе покажу, к барину, тудыть твою коромыслом! А вас, кричит, того, стало быть, в палки, да в Сибирь!» Змей, стало быть, собачий. Ну, тут, Африканыч-те, знамо дело, осерчал, да и того, выходит, принял грех на душу... так вот, батюшка-барин...

– Какой грех, братец? – спросил Иван Лукич, все белее удивляясь своим уже не столько кротким, сколько вкрадчивым интонациям.

– Да грех-то известно какой... Ну, Африканыч-то, значит, обухом ему, выходит так по темечку малость постучал, ну а тот, ну вот как есть возьми, да и помре. Ну, тут урядник, знамо дело, господин Недеволков, приехал. Тут уж и сбор, да разбор...

– Погоди, погоди, убили, что ли, управляющего?

– Ну что ж взять-то? Грех-то он и есть грех, – бормотал мужик, усердно крестясь. Дык ведь жисть-то, она не без греха! Грех, знамо дело, и в церкви отмолить можно. А этот ведь вот змей какой!.. Угомони Господь душонку паскудную. Ведь вот оно, батюшка-барин, душа-то по всякому делу надобна!

– И что ж урядник?

– Ну, мужички-то, знамо дело, молчок. Не ведаем, вроде как ничего и все тут. А карачун-то ведь дело богово, ведь никогда ж того не было, что б вот ентак никак не выходило, а поди случись чего, так вот тебе и пожалуйста!..

– М-да... И что ж, уехал урядник?

– Уехал, батюшка-барин, уехал. Погрозил, погрозил, да и уехал. Пороть-то нынче не имеет, стало быть, никакого полного права.

– Ну, а бумага где?

– Какая, батюшка-барин, бумага?

– Документ от управляющего?

– Дык сгорел тугумент-то, сгорела, стало быть, бумага-то Стаероскина. Так вместе с флигелем, выходит, и сгорела!

– Так вы, черти, ещё и флигель спалили.

Мужики замаялись и закрехтели, тербя шапки и бороды.

– Ну, добро, мужички, ступайте.

– Это, стало быть, а лужки-то барин, как того, значит... – забубнили мужики.

– Берите, берите лужки, бог с вами. Старосте скажите, я разрешил. Ну, ступайте, ступайте.

Мужики одобрительно закивали, поклонились в пояс и поторопились уйти.

«Как далек я, все-таки, от меньшого брата» – горестно подумал Иван Лукич, когда прилив чувств, вызванный сознанием собственного благородства слегка прошёл. «Да, поистине, все наше просвещение не стоит этой естественной, незамутнённой нравственной силы и чистоты души. Нет, непременно нынче умру!»

Иван Лукич снова улёгся на диван. «Не худо бы умереть от подагры» — подумалось ему. — «Все достойные люди умирают либо от подагры, либо уж на худой конец от чахотки. Нет, тут ведь надо сперва заболеть...» И тут он вспомнил про крысиный яд, который вот уже много лет хранился у горничной в буфете. Иван Лукич почему-то посмотрел на часы и достал яд из буфета. «Однако не мешало бы сперва пообедать».

— Тимофей, распорядись-ка, братец, насчет обеда, — сказал он лакею и сел сочинять предсмертное письмо. В нём он признался во всех своих грехах, и прежде всего, в краже зеленой палочки. В этом месте ему удалось даже слегка окропить бумагу слезами... Хотя письмо и вышло несколько длинным, Иван Лукич остался доволен. Затем он вывалил в камин содержимое корзины для бумаг, отодрал от чистой тетради заглавный лист и написал на нем «Дневник». Этот лист он слегка опалил огнем из камина. «Пусть думают, что я сжег дневники» — решил самоубийца. Завести дневник Иван Лукич собирался всю жизнь, но не в силах побороть лень, он так и не написал ни строчки.

Принесли обед. Иван Лукич поставил склянку с крысиным ядом во главу стола, и все время не сводил с нее глаз. Как ни старался он есть медленно, обед все же подходил к концу. «Вот останется в тарелке еще на пять ложек, приму яду, а если на шесть или больше — то нет» — размышлял он, вперив взгляд в тарелку, и тут же, устыдившись своего малодушия, решительно дрожащей рукой быстро доел содержимое тарелки, громко стуча ложкой. Затем он схватил склянку, мигом проглотил яд и запил гадость водкой. Пока убирали посуду, Иван Лукич стоял, отвернувшись, у окна и курил, стараясь не выдать своего трагического состояния. Оставшись один, он снова лёг на диван и стал ожидать смерти.

Прошел час, а чудный белый потолок продолжал, как ни в чем не бывало, вышатыряться над головой Ивана Лукича. И по нему облаками плыли стеклистые червячки. Время от времени Иван Лукич раздраженно посматривал на часы, но жизнь оказалась привязчивой, как бессонница, и смерть все никак не шла к нему. В конце концов, Иван Лукич заснул. Но смерть не пришла и во сне. Зато вернулась домой жена и жизнь потекла в привычном русле.

Эпilog. Иван Лукич прожил до неприличия долгую жизнь. Да и кончилась ли она по сию пору, сказать трудно, поскольку мёртвым его так никто и не видел.

Утро писателя

Посвящается Юрию Нагибину

Умеренно известный писатель Гонорис Казуаров мучительно проснулся. Творческий запой стал оставлять свои неизгладимые следы не только на внешности и брюках литератора, но также и на его богатом и уникальном внутреннем мире. Участились случаи блаженного отупения, именуемые в народе словом «инсайт». Стала подводить и память. Вот и теперь, лёжа поперек дивана и удручённо свесив голову вниз, писатель в муках пытался восстановить события прошедшего дня. Бессвязные фрагменты казались продолжением кошмарного сна. Помнилась, как вечером он с поэтом Блудосевым выкуривал из ванной какую-то строптивую подругу, подсовывая под дверь горящую расческу. Но чем дело кончилось — никак не вспоминалось. А до этого? Бутылки, бутылки, бутылки... Кто-то стакан разбил, собака... А потом этот Козлократов, смешной старик, приехал не то с внучкой, не то с любовницей. А потом у редактора... Так это мы редактору статуэтку загнули? Э, нет, статуэтку мы в «Антиквар» возили. А какого же черта к